

Евдокия Ивановна Ломакина (Бердинская)

Автобиография или «хождение по мукам»

Евдокия и Пётр Ломакины

Я родилась в 1910 году в Алтайском крае в семье зажиточного крестьянина. Отец, Бердинский Иван Иванович, держал скот, сеял хлеб, излишки продуктов вывозил на базар в город. Этим и жила семья. Мать, Бердинская Ирина Фёдоровна, была домохозяйкой, растила нас, детей. Детей было много. Когда я родилась, старшему брату Алексею Ивановичу было 7 лет. Когда началась революция, мне было 6 лет. Отца взяли на фронт. Нас у мамы было четверо, и ожидала пятого. Из имеющегося хозяйства - 10 коров и 10 лошадей - мать половину продала, а 5 коров и 5 лошадей оставила. Брату Алексею было 14 лет, он закончил 5 классов и стал в

доме хозяином. С матерью сеял хлеб, ухаживал за скотом.

Пашня у нас была за 7 км от села. До 6 лет я была с бабушкой, а когда у мамы родился пятый, я стала ездить с ней на пашню и водиться с малюткой. Поднимать малыша не могла, но коляску возила. Мама посадит мальчика в тележку, поставит кринку с кашей, и он ест ручонкой, а захочет спать, уснёт. Проснётся - и опять за кашу. Так с утра до обеда, с обеда до вечера. А я его всё катаю. В 1918 году отец вернулся и начал работать ещё больше.

Мы стали подрастать, и нам работы доставалось много. Мне шёл девятый год. Отец запряжёт коня, а кони были умные, накладёт полную телегу осоки, меня посадит, даст в руки вожжи и отправит. Приеду в деревню к бабушке, она меня встретит, выложит всю осоку, а в телегу положит готовые вязки, вязать снопы хлеба. Напечёт мягкого хлеба на пашню. И я опять поехала за осокой. А когда у мамы родился шестой, я уже была самостоятельная нянька. Но ребёнок пожил недолго и умер. В 10 лет я уже начала прясть, вязать и ткать.

После революции в стране была полная разруха. Товара не было. Купить было нечего. Сами ткали холсты, шили юбки, рубашки. А у нас было столько ребятни, надо было всех одеть и обуть. Вот мы с мамой пряли по всей ночи. А школы не было. В 1920 году женили брата Алексея. Взял он Наталью Дмитриевну. А в 1921 году все стали выезжать на посёлки. И наш отец решил выехать в Ракиты. Перевезли дом и два амбара. Один не успел вывезти, подошло лето, у мамы родился ещё один мальчик - Гоша. На новом месте отец быстро выстроился, деньги у него были. Поставили дом, два амбара, посеяли хлеб, покосили сено. Осенью хлеб убрали, обмолотили, высыпали в амбар, выкопали картошку. Всё своими силами, нам, детям, отец не давал отдыхать. А в октябре нас кто-то поджёт ночью, и у нас всё сгорело. Молодёжь ещё была на улице, скот успели выпустить, вещи из дома кое-какие выкидали, а что было в кладовой, в амбарах - всё сгорело, остались одни столбики. Сгорел конь, так как был на привязи, и телёнок.

На углу двора стояла летняя кухня, её успели залить. И вот мы, 10 человек, зимовали в ней. А отец наш снова всю зиму возил лес, рубили дом. Привезли последний амбар из деревни и за лето выстроили новый дом и пристройки. Всю зиму ели хлеб дымный, зерно лежало в закромах, амбары сгорели, а хлеб только обгорел сверху и весь пропитался дымом.

В 1922 году выстроили школу от нас в трёх километрах. Было мне 13 лет. Отец сказал: «Все пойдут в школу» - как мы радовались! Но мама и бабушка меня не пустили. Мальчики все учились. А мне мама сказала: «Будешь прясть, вязать, кто будет помогать одевать ребятишек?» Как я плакала! Но без толку. Так и осталась неграмотная. После пожара отец заболел, а потом ещё в зиму надсадился с лесом и так болел до конца дней своих. Умер он в 1932 году. Мы уже все работали по хозяйству, кто что может. В 1923-24гг. стали жить лучше. В 1925 году в магазинах появилось много товаров (по истории НЭП). Я уже стала девушка - 15 лет. Одна дочь в семье, остальные ребята. Отец покупал мне наряды. Возил на базар хлеб, мясо, масло лишнее, а с города привозил подарки. Я была скромная, все меня в посёлке уважали. Парни, какие меня знали, все хотели проводить меня до дома. А в 1926 году стали меня сватать и наши, и из других деревень. Такая была мода. И выходили замуж девушки совсем молодые.

С Петром Ломакиным мы встречались, но редко. Зимой в будни я пряла, никуда никто не ходил. А в воскресенье пробежишь по улице и домой, так как холодно. Клуба не было, в школу учительница не пускала. А летом тоже работа, не до гулянья. Неделю на полях косили, убирали, пололи хлеб. Правда, весной я ходила на молококанку каждый день, молоко сдавали на завод. Замуж за Петра я не собиралась. Боялась их большой семьи. Да и матери у Петра не было. Она умерла, когда ему было 9 лет. Был у меня другой парень. Он был один в семье сын. О нём я мечтала и думала.

И вот 15 октября 1927 года Гавриловы пришли свататься, а на второй день - Ломакины. Так длилось 4 дня. Одни уходят, другие приходят. А родители мои разбирают всю родословную, всех предков, тех и других. Меня и не спрашивают, за кого пойдёшь. А я так и не осмелилась сказать, что пойду за Гаврилова. Приехал к нам дедушка Федот, мамин отец, он и решил мою судьбу, раскорил Гавриловых, посоветовал отдать меня за Ломакиных. И так,

«запой» был 20 октября, 10 ноября - «сговор», а свадьба состоялась 21 ноября. Чувствовала я, что тяжела будет жизнь моя. Гуляли свадьбу целую неделю. Стала я привыкать к Петру, жили мы с ним неплохо. Правда, с первых лет он стал уходить по вечерам с парнями играть в карты. Так было заведено, все ходили, что им вечерами делать? Бабы пряли, с детьми возились. Пришёл 1928 год, родился у нас Саша и сразу заболел. Три месяца я с ним не смыкала глаз, мучилась, обходила всех бабушек, врачей не было, и сама уже с ним больная стала. И всё-таки одна бабушка вылечила его, начал быстро поправляться, в 10 месяцев стал ходить.

В начале 30-х годов всех зажиточных стали раскулачивать. Отец мой попал в первую очередь. Брат Алексей был отделён, ему выстроили домик небольшой. А у отца всё отобрали и из дома выгнали. Жили они на квартире, да и пускать не хотел никто. Один парень работал в сельсовете, он их пустил на квартиру. Брат Максим уехал в Ленинск-Кузнецкий работать на шахту. У Ломакиных семья была большая. Брат Петра Андрей был отделён, нас пока не трогали. Было у нас 2 коровы, 2 лошади. Мы убирали хлеб, лён обрабатывали. Старшего брата Петра - Василия Алексеевича - выбрали секретарём сельсовета.

В 1930 году у нас родился Миша. Этот мальчик был спокойный, не болел.

В декабре этого года внезапно пришли описывать имущество. У нас был двор крытый, я работала во дворе. Смотрю, заходят 4 человека и прямо к нам в дом. У нас со сношеницей Федорой были ящики в кладовке. Я забежала в кладовку, подняла половицу пола и давай туда кидать из ящиков, что получше. Потом вышли во двор, а Пётр с Ильёй Тереховым приехали с дровами. Я им сказала, что нас описывают. Что делать? Они забежали в амбар, вынесли по 2 куля муки, положили около поленицы дров и уронили её на мешки.

Когда всё в доме переписали, зашли в амбар, посмотрели и закрыли на замок. А на второй день подогнали подводы и всё до зёрнышка погрузили и увезли. А через неделю приехали и всё забрали, что было переписано в доме, и постель, и одежду. Мы всякими неправдами, что могли, прятали, не отдавали.

А в марте 1931 года всех мужиков стали забирать. Забрали моего отца и брата Алексея.

У Ломакиных старший брат Василий уехал на шахту, отец - Алексей Иванович - был стар, тогда забрали Петра, угнали в Барнаул, Федора ждала ребёнок.

Вот в эти годы устраивались ликбезы - ликвидация безграмотности, были десятидворки, учили неграмотных. Как вечер, я усыплю Мишу и прошу свёкра: «Папаша, покачай Мишу, если проснётся». Он меня ругает, не пускает. Но я всё равно убегу, хоть на полчаса. Я с неделю походила, узнала азбуку, вот моя грамота. В марте Федора родила сына Ивана, а в апреле нас выгнали из дома. Мы перешли к Тереховым. Вещи, что мы кидали в кладовые, были спрятаны в снегу, а снег стал таять. Сложили в ящик, выкопали яму в подполье у Тереховых и закопали, а что осталось, я разнесла по родным. Девятнадцатого мая нам сказали собираться, а 30 мая повезли. Разрешалось 20 кг на человека взять: хоть вещей, хоть продуктов. И поехали мы с Федорой, и дедушка Алексей с нами. Вывезли нас в г. Дедруху, от нашей деревни 40 км, и остановились ждать, пока все сельсоветы съедутся.

До Барнаула нас вёз Илья Терехов и Андрей, а Пётр и многие мужчины из нашей деревни работали в Барнауле. Привезли в Барнаул, поселили в бараки. Столько людей, крик, шум, плач детей. Двое суток мы там были и все стояли на ногах, вещи положили на пол, а на них – детей. А самим даже сесть негде.

Мужчины, что работали с Петром, пришли к семьям. А Петру дедушка Алексей наказал, чтобы он не сбежал. И он к нам не пришёл. Двадцать шестого рано утром нас погрузили на поезд и

привезли в Новосибирск на ст. Кривощёково. К вечеру выгрузили на перрон, мы попадали все и спали как убитые. Проснулась, уже светло, идёт дождь. Слышим, плачут женщины, в эту ночь 4 ребёнка прилежали матери. У нас, слава богу, все были живые. А Пётр не вытерпел в этот день, пришёл в бараки, а нас нет, и поехал с другим районом. Их повезли на баржах по Оби в Нарым. Когда он ехал, на всех берегах люди, он всё искал свой район и доехал до Каргаска, а нас нет. И остался он работать там грузчиком.

Под нас подогнали подводу и повезли в Шегарку, там всего 200 км, а везли нас 17 дней. Хорошо, хоть с нами ехали наши матери, Федорина и моя. С моей мамой Петя - 10 лет, Микиша - 14, Гоша - 9 лет, С Натальей Дмитриевной Толя - 7 лет, Фрося - 5. У Федоры Тима - 7 лет, Варя - 4 года, Ваня - 1 месяц. У меня Саша - 2 года, Миша - 6 месяцев. Хлеб, что наши соседи на дорогу дали, мы давно съели. Ехали мимо деревень, ходили, просили кусочки. Кто даст, кто не даст. Дорога была плохая, застрянет одна телега, весь обоз стоит.

Сопровождали нас верхами, как палачи ездили, всё молодые парни. Кто они были? Наверное, по тем временам, комсомольцы. Остановимся ночевать, у кого мужчины, раскинут палатки, разведут костры, варят ужин. А мы пока своих детей перевернём, переоденем, все уже поужинают. Питались мы вместе с нашими, Бердинскими. Вешаем ведро на огонь, завариваем муку, саламат называется, если есть, маслом заправим и едим. Привезли нас в Шегарку, болото. Комаров - страшно! Детей наших так изъели комары, как корявые стали, а на второй день стали собирать всех мужчин и женщин, у кого нет детей, делать мост - елань на Бакчар - длина его 50 км. Угнали их туда в июне, а вернулись в сентябре, и в живых осталась третья часть. Нас спасли дети. А кто пришёл, на них страшно было смотреть, чёрные как земля, всё лето не мылись, на комарах. Наши на этот мост не попали. Дедушка Алексей

был стар, брат Петя молод. Петю послали на покос за 110 км, и он сбежал к брату Максиму на шахту.

Потом их стали преследовать, они уехали в Донбасс, там проработали 2 года.

Мы жили в палатках. Стали нам давать по 6 кг муки на душу и какие-то граммы крупы и сахара. Делали печки, пекли хлеб ржаной. На работу нас посылали, делать кирпичи. Мы с Федорой ходили подённо, одна с детьми, другая на работу, а маму не трогали - старая. Там жили старожилы. Им предложили уехать за 30 км в колхоз, и они стали продавать постройки. Мы уговаривали дедушку Алексея купить избу, как кухня летняя, была в ней печь русская и пол деревянный - просили за неё 30 рублей. У нас всего было 40 рублей. Папаша на избу не соглашался, паёк, мол, чем будем выкупать? Мы настояли. Вместе с мамой купили, отдали по 15 рублей. Вот мы своих детей и спасли. Как заболели дети в палатках дизентерией, никто не лечил. У некоторых все дети примерли. А наши хотя голодные, но чистые. У хозяйки огород был, мы попросили листочков капустных поломать, а то и огуречик сорвёшь, морковочку, а к осени картошку подкопаешь. Через месяц Василий Алексеевич бросил шахту и приехал к семье, привёз сухариков детям, начал работать, на паёк зарабатывать. Да и свёкор Алексей Иванович сторожить стал амбары - тоже копейка. В сентябре пригнали мужчин, целый этап к семьям. Пришёл и отец мой, весь больной, и брат Алексей. И стало нас 17 человек в этой хате. На малых детей Мишу и Ваню давали по четушке молока. Дедушка сделал бочку вёдер на 18, купили мы зелёных капустных листьев, насолители и до нового года съели. В январе 1932 года пришёл к нам Пётр. Когда он доехал до Каргаска, написал в Рапиты, и мы стали домой писать. Почта ходила плохо. Когда узнали, где он, стали хлопотать. Его отпустили к семье, а мы все болели тифом. Но все остались живы.

А люди до снега жили в палатках, а потом семьи по 4 стали делать избы. Когда Петя приехал, нам стало легче. Дожили до весны. Весной всех послали на корчѣвку. Отец мой поработал с неделю и умер. Наши мужики возили лес, срубили избу большую, дали нам лошадь. Весной мы перешли в свой дом, а мама осталась в купленной хате. В августе 1932 года Тереховы написали, что умер Андрей, а они уезжают на производство. Нужно ехать за вещами, а то дом продадут, а там, в подполье, мой ящик. Я так болела, трясла меня малярия. Но что делать? Мы все обносились, а там хорошие вещи. Федора не едет, я решила поехать. Пётр меня не пускал.

Пашня была у нас за 30 км. Сеяли, убирали, молотили хлеб, пололи лён. Зерно возили и сдавали в склады. Нам давали паёк. И вот мы с одной бабушкой договорились поехать за вещами. Приехали на пашню, и нас Пётр увёз ночью на пристань за 160 км. Дома соседи думают, что мы на пашне, а кто на пашне - думают, что мы дома. Приехали на пристань, попросились на квартиру, нас пустили и сказали, что пароход идёт до Барнаула в следующую ночь. Мы нигде не бывали и ничего не знали, хотелось быстрее уехать. И мы решили на пригородном пароходе ехать до Новосибирска, а тут миру! Сидят люди по две, да по три недели, не могут уехать. Все голодные, да грязные, на всех вошь. Что нам делать? Встанешь в очередь за билетом, возьмут командированные, да военные - и нет опять билетов. Мы на станцию, хотели поездом уехать - там то же самое. Мы просидели 4 дня, а меня малярия на день 2 раза стала бить. Стоишь в очереди и слышишь, за тобой говорят: «У бабы вошь по платку ползёт.» Что нам делать? Подходили грузчики, предлагали купить билеты. Мы боялись, возьмут деньги, обманут. Смотрим, люди дают им деньги, а они выносят билеты. Так и мы сделали. На пятый день сели на пароход. Река была мелкая. Пароход шёл три дня до Барнаула. А мы всё одну единственную булку хлеба ели. В Барнауле у

моей спутницы был брат. Нас встретили, накормили, вымыли. Ночевали у них и пошли на поезд. Доехали до ст. Коломанки и сошли. До Куличихи отправились пешком. Там у меня дядя жил, брат двоюродный отца. Пришли к ним рано утром. Тётя Маша нас встретила, накормила. Они были в колхозе. Выходить нам не разрешала, и мы спали целый день. А в ночь мы - в свои Раки-ты. Пришла я к Тереховым, они меня вымыли, голову вычесали, накормили. Ночью я ходила к родным, а день сидела. Всё, что я отдавала на сохранение, ничего мне никто не вернул. Выкопали ящик. Все шерстяные вещи моль побила. Швейную машинку отдала бабушке-попутчице. Остались простые платья, бельё. Навязала я два тюка холста, полотенец. Пожили мы 5 дней, наняла я старичка, нас отвезли до станции. Отдала ему чугуна да самовар. На станции взяли билеты. Я свои вещи кое-как поднимаю. Подошёл поезд, бабка моя заскочила, все вошли, а я не могу подняться на ступеньки. Проводник-мужчина помог мне залезть и захлопнул вагон, оставив меня в тамбуре, спрашивает: «Что везёшь, муку? Сейчас доложу начальнику станции!» Объясняю ему, что не мука это, вещи - холсты тяжёлые. «Оторви, - говорит, - на портянки». Я ему отвечаю, что не жалко, но ведь всё надо распаковывать. Тут на счастье кто-то вышел в тамбур, и я зашла в вагон. В Барнауле мы наняли носильщика с тележкой, перебрались с вокзала на пристань. Билеты взяли быстро. Приехали на пристань Батурино, здесь какие-то были подводы. Попросились мы, говорят, увезём только вещи. Отдали мы им что-то, провезли они нас км 60, а там опять старика наняли, довёз до Старого Азута. Здесь были знакомые, оставили у них вещи, а сами пешком за 30 км ушли на пашню. С пашни увезли нас домой. Ребятишки мои оставались с Федорой. Приехала я чуть живая.

Работа была у нас разная. Зимой лён колотили, картошку перебирали в хранилищах. Весной 1932 года мы сажали свой огород. Урожай был хороший, накопили два погреба картошки, моркови

соток 10 сеяли, капусты. Так наголодались! Всё выросло. Дети наши стали поправляться. Миша стал ходить. Стеша - работать, начали давать хлеб.

Мама моя написала Максиму, что можно и здесь жить, приезжай. Он рассчитался в Донбассе и приехал. Но в пути простыл - выпил кружку молока холодного, получил воспаление лёгких, заболел и умер в декабре. В январе 1933 года умер мой брат Никита, а в марте умерла бабушка - отцова мать. В эти годы жили мы все вместе с Василием. Пётр всё хотел отделиться, а дедушка, отец его, не разрешал.

В августе 1933г. мы предложили Василию продать все вещи и купить корову. Они не согласились. Поехал Пётр на пашню, я отдала ему 6 метров сатину, брюки его последние и занавес розовый на кровать. С товаром тогда было плохо очень. Он с пашни поехал в Пихтовку, там был базар. Всё продал за 218 рублей, поехал по деревням и купил тёлку за 200 рублей. Сена накосили коню и прокормили тёлку. Она была стельная, а в 1934 году в июне отелилась. Тогда отец разрешил нам разделиться с Василием. А что было делать? Паёк врозь получать. Зимой Пётр заключил договор на охоту на пушного зверя. Уезжал на месяц в тайгу и больше. В это время начали организовываться колхозы. В конце 34 года Василий и брат мой Алексей вошли в колхоз за 30 км. Их перевезли туда. Я настаивала тоже пойти в колхоз, не хотела от своих отбиваться, но Пётр был упрямый, не хотел и слушать. Понравилось ему охотиться, по тайге лазить. У нас жили Андрея дети - Ваня и Коля. Их привезла из Ракитов тёща Андрея - Кулешова. Мать их стала просить привезти детей обратно.

В феврале 35 года папашка Алексей поехал с ними. Пётр увёз их на станцию Пеньки за 110 км, там был тупик. А в марте Пётр затосковал, говорит: «Поеду я на родину, там пойду в колхоз и за вами приеду.» А я уже с Ниной ходила, не хотела я оставаться, но его не убедишь. Встали на лыжи с одним парнем и ушли ночью.

Правда, на работу меня не посылали, потом перешла ко мне жить мама.

А Пётр приехал домой, пошёл в Сельсовет, стал искать справедливость: «В чём меня обвинили? Я же молодой, хочу работать здесь» и т.д.

Ему дали пакет какой-то, сказали: «Неси в район.» Он пакет, конечно, не распечатал, донёс, подал адресату, его сразу арестовали и отправили в Барнаул, потом в Новосибирск, потом в Томск, потом этапом пригнали к нам в Шегарку, их таких тогда много было. Когда сказали, что он в комендатуре, я взяла Сашу, и мы пошли. Нас и близко не пустили, держали их как преступников. Я поплакала и ушла. А им дали отработать принудиловки 15 дней и отпустили домой. Мы с мамой посадили картошки, всякой мелочи, корова отелилась. Пётр стал работать, куда пошлют. Друг у него был, ходил всё к нам и говорил: «Не пойдём в колхоз, скоро опять пойдём в тайгу на охоту.»

Второго августа 1935 года родилась у меня Нина, а в сентябре нам сказали собираться в Нарым. Вот уж этот день я не забуду никогда. Говорю: «Не хочу жить, и всё, и не буду.» Подогнали телегу, посадили наших детей, а я не иду из избы. Уполномоченный говорит: «Будешь жить!» А я говорю: «Нет, не буду! Не хочу!» Скидали наши шмотки, люльку, Нину в телегу, а меня под руки привели к ней. Привезли нас в контору, он в потолочину забил гвоздь, повесил люльку и положил в неё ребёнка, говорит: «Качай». Маме сказали: «Хочешь - езжай с ними, хочешь - оставайся». Она осталась, переехала к Алексею. Ночью нас погрузили на подводы и повезли в комендатуру во Вдовино. Мужчин и женщин бездетных погнали пешком. У кого были коровы - вели. Тогда мой Пётр подошёл к коменданту и говорит: «А если я войду в колхоз?» Тот ответил, что теперь поздно. Из Вдовино до Пихтовки нас везли на машинах. В Пихтовке два дня стояли, ждали, когда пешие подойдут. Потом всех повезли до пристани Батурино, погрузили

на баржу нас всех в трюм, а коров на палубу. Утром и вечером мы выходили коров доить. Варили нам суп, давали хлеб, рыбу солёную. Когда доехали до Каргаска, посадили на пароход, а скот на баржу и повезли по р. Васюган. Доехали мы до с.Седельниково, там ссадили 7 семей, остальных повезли дальше. Мы все зашли в заезжий дом, там ночевали. Утром пришёл председатель Ковригин и сказал: «Пойдёте в колхоз, дадим квартиру, сена коровам, а не пойдёте - стройтесь и косите сено.» Ну, и все написали заявления и пошли в колхоз. Стали давать паёк. И опять у нас нет картошки, нет ничего.

У меня были ботинки, я в них приехала. Их продала за 4 пуда картошки, а себе сшила чуни из старой шубы, ходила в них за водой, за дровами. А у Петра кирзовые сапоги были. На колхоз давался план драть дранку, вот всю зиму и драли. Избу дали холодную, печка русская, утром встанешь, по углам иней. Сделали камелек, а дверки нет, зиму еле-еле пережили. Весной выдали нам чуни, вышли на корчёвку. Яслей не было, а на работу посылали. Принесу Нину в контору и оставляю председателю. Он скажет: «Оставляй, пекариха посмотрит или доярки.» А ребёнку 10 месяцев, целый день плачу.

Зимой Пётр связал сеть. Как пошёл икромёт, поставит сеть под окном, и рыбы полно. Походила я на работу недели 2 и не пошла дальше. Тогда паёк мне детский стали давать 200 г. Вот на рыбе и жили. Когда появилась работа в посёлке, я стала выходить, а Нину оставляла с мальчишками. Саше было 8 лет, Мише - 6. Они её бросят, а сами уйдут на рыбалку. Я прихожу, их нет, а Нина наревётся, грязная, мокрая. Думаю, придут, всех излуплю, а их нет допоздна.

Тогда уж думаю, хоть бы пришли живые, не буду ругать, не буду бить. Смотришь, идут, несут снизу рыбы, и опять начинаю плакать. Что с них возьмёшь? Бог их спас у меня.

Свёкор Алексей жил у Тереховых, делал кадушки, стеклил окна, зарабатывал и посылал деньги и нам, и в Ракиты сиротам, Андреевым детям - ребятам и Федоре. Василия в 1937 году забрали, дали ему 10 лет. В 1938 году стало жить легче, начали привозить материал, обувь, стали получать на трудодни пшеницу, рожь.

В 1938 году 23 августа у меня родился Ванюшка. Зимой я уже не работала, а в 39 году весной первым парходом приехал к нам свёкор Алексей. Ванюшку понесла в ясли, там его простудили, и он умер. С дедушкой мне стало легче. Он смотрел за детьми, за огородом. Ребята учились в школе. А в 1940 году 7 ноября родилась Тоня. Пётр не был ленивым. Всегда у нас была рыба, дичь всякая. Потом и мальчишки стали ходить на охоту, на рыбалку.

И вот в 1941 году началась война! Стало совсем плохо. Хлеб весь сдавали государству, ели одну картошку, траву, рыбу. У меня

заболел желудок. Петя рыбачил с бригадой, и я 2 года рыбачила. Всё лето босиком, обувь нечего. Пётр стал болеть ревматизмом. В 1945 году его направили в колхоз «Новая жизнь» председателем. Один год жил там один, потом перевёз нас. Но там колхоз ещё беднее, ещё хуже - не дай бог. Промучились мы 3

***Мужчины посёлка Седельниково
перед отправкой на фронт***

года и всякими путями стали проситься обратно в Седельниково. В это время в 1947 году Миша уехал в Томск в техникум учиться. Учиться было тяжело, послать было нечего, денег не было. Напишет письмо, изжога жжёт от ржаного хлеба, картошки купить не на что. И опять я плачу. Пётр на меня кричит: «Посмотри, Матвей

Русаков едет с лесом тоже наполовину голодный! Может, наши дети в будущем будут жить как люди».

В 1948 году Саша уехал в Томск, всякими неправдами вырвался из колхоза на учёбу. В 1949 году приехал врач с областной больницы, всех послушивал, у Петра признал что-то и дал направление на рентген в Томск. Съездил он за паспортом в Новый Васюган и уехал. Прошёл рентген, ничего не обнаружили. И он обратно не вернулся. Приехал в Кемеровскую область в пос. Увал, здесь уже жил Василий Алексеевич, и стал работать в леспромхозе. А мы остались в Васюгане: Тоня, бабушка, Нина училась в 7 классе в Ср.Васюгане. Я ходила Васей. В 1950 году 1 февраля родился Вася. Чтобы выехать к Петру, нужен был паспорт. И вот весной с 4-х месячным Васей и с Тоней ездила я хлопотать этот паспорт.

Приехали в Увал. Сначала жили неважно, всё были недостатки, нужда. В 1951 году 4 мая хоронили бабушку (свёкра).

Потом обжились. Пётр купил домик, корову, садили огород. Ребята стали военными, Нина с Тоней окончили институты, потом и Вася окончил СМИ. Пётр построил дом, купили пчёл, стали жить хорошо. Дети ездили к нам, их дети жили у нас на каникулах. Пётр заработал пенсию, держал коня, корову, любил тайгу, охоту, рыбалку, пчёл, птиц.

Любил всё живое, хотел жить долго. Но жизнь оборвалась внезапно. Вот 5 сентября 1976 года взял и умер мой Пётр. Так прошла вся моя жизнь.

Живу в городе, у Васи. Видно, немного осталось и мне жить, ведь мне уже 68.

1977 г.

Ломакины Михаил (слева) и Александр. 1956 г.

(г. Новокузнецк)

Михаил Петрович Ломакин.

По окончании военного училища 25 лет служил в Прибалтике. По завершении службы вышел в отставку. Ветеран труда, ветеран воинской службы, труженик тыла.

Я, Ломакин Михаил Петрович, второй сын Ломакиных Петра Алексеевича и Евдокии Ивановны, 1930 года рождения.

До первой ссылки мой дед Алексей Иванович Ломакин жил в Алтайском крае, Топчихинский район, село Ракиты. Кстати, он не коренной житель Алтая. 18-летним юношей со старшим братом приехал из Тамбовской губернии. Вначале работали работниками у хозяина. Затем за хорошую работу хозяин выделил ему часть своей земли, он построил дом и стал самостоятельным хозяином. Семья у него была большая, но наёмный труд он не использовал. В 1987-м году (это через 57 лет) я впервые побывал на своей Родине. Нашёл двоюродного брата, у которого оказались некоторые документы времён первой ссылки. Я сделал выписки.

Состав семьи, подлежащей ссылке:

1. Ломакин Алексей Иванович - 60 лет
2. Сын Андрей Алексеевич - 27 лет
3. Его жена Анна Дмитриевна - 27 лет
4. Их дочь Мария - 8 лет
5. Их сын Иван - 4 года
6. Их сын Николай - 1 год

7. Сын Алексея Ивановича Василий	- 25 лет
8. Его жена Федора	- 23 года
9. Их сын Тимофей	- 5 лет
10. Их дочь Варвара	- 2 года
11. Их дочь Анна	- 1 месяц
12. Сын Алексея Ивановича Пётр	- 20 лет
13. Его жена Евдокия	- 19 лет
14. Их сын Александр	- 7 месяцев

Этот документ составлялся в 1929 году, а ссылка была в 1931 году, поэтому состав семьи изменился в большую сторону, а именно - 17 человек подлежали выселению.

Подлежит конфискации:

1. Дом	- 300 руб.
2. Изба	- 150 руб.
3. Амбар	- 60 руб.
4. Малушка	- 20 руб.
5. Двор	- 100 руб.
6. Рига	- 20 руб.
7. Баня	- 15 руб.
8. Молотяга	- 250 руб.
9. Сенокосилка	- 150 руб.
10. Конные грабли	- 40 руб.
11. Плугов 2 шт.	- 60 руб.
12. Борона	- 28 руб.
13. Рабочая лошадь 4х60=	- 240 руб.
14. Молодая лошадь 2х30=	- 60 руб.
15. Сосун (жеребёнок)	- 2 руб.
16. Дойных коров 3х20=	- 60 руб.
17. Нетель 1 шт.	- 15 руб.
18. Телят 3х3=	- 9 руб.
19. Овец старых 21х5=	- 105 руб.

-
20. Ягнят 22х1=	- 22 руб.
21. Свиной старых 2х15=	- 30 руб.
22. Свиной молодых 1 шт.	- 5 руб.
23. Телега на железном ходу	- 100 руб.
24. Телега на деревянном ходу	- 15 руб.

Это имущество, согласно документа, подлежало конфискации. А из рассказа матери известно, что конфискации подвергалось всё имущество в доме, включая личные вещи, одежду, обувь и продукты. Разрешалось брать узелок личных вещей и продуктов питания на один день. Да и физически много вещей и продуктов не было возможности взять с собой, т.к. взрослые мужчины за год до ссылки были увезены на стройку в Барнаул, а большинство женщин были с младенцами на руках. Мужчин отпустили к семьям только спустя год. Вторую ссылку хорошо помню. Её я описал в поздравлении к юбилею старшего брата Александра в 2003 году. В 2007 году Александр умер.

*...Я как подумаю, что Сане семь с полтиной,
Так сразу вспоминаю Васюган,
Как нас везли в машинах как скотину,
Потом на барже, дальше, в глухомань.*

*В селе Седельниково нас сгрузили
Где лес, болото, тучи комаров,
Сказали - стройтесь, сейте и корчуйте,
А старожил там было пять дворов.*

*Отцы наши не дрогнули, впряглись,
Корчёвка, стройка - всё на их плечо,
Из техники - пила, топор имелся,
Пара гнедых, да бык один ещё.*

*Мы в стороне, конечно, не остались,
Навоз возить, снопы и боронить,
Нужда к труду нас рано приобщила,
Иначе те года не пережить.*

*Освоили домашний чвор и длинный,
Кривой, затем Борисовский проток,
Где окунь, вероятно, был голодный,
Клевал порою на пустой крючок.*

*Но главное для нас была охота,
Гонять утят в траве - одно кино,
Подбить глухарку на яру было непросто,
Ружьишко у нас было на троих одно.*

*Поэтому порою с одной палкой
По кочкам, по осоке, босиком,
Где ловишь сам, а где бежишь за лайкой,
Утят и линьку подбираешь с вещмешком.*

*Однажды ты загнал мне две дробины
Под кожу на ноге - я завизжал,
Чтоб не кровило - я замазал глиной
И дальше за собакой побежал.*

*Как руку на охоте я ломал,
А ты меня потом вёз на покос,
Где дядя Родя мне лошадку оседлал,
Чтобы ещё преодолеть пятнадцать вёрст.*